

ОСТРОВ БРОШЕННЫХ СОКРОВИЩ

Анатолий Жданов, фотографии автора

Более полувека прошло с тех пор, как отгремели залпы второй мировой. К сожалению, мало кто из молодых, да и из людей среднего возраста может правильно назвать дату ее окончания. Весь мир широко празднует День победы 9 мая, когда капитулировала фашистская Германия, но ведь оставалась еще милитаристская Япония. Только победа над ней поставила точку в этой страшной бойне, и произошло это 24 августа 1945 г.

Северокурильские острова Шумшу и Парамушир отошли к Японии после неудачной для России войны 1904-1905 гг. Новое вооруженное столкновение с северным соседом в Японии считали неизбежным, и еще в 1943 г. японский посол в Германии Х. Осима объяснял министру иностранных дел И. Рибентропу, что «уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для нападения на Россию, и все снова направлено на это наступление.»

Японцы основательно и долго укреп-

ляли эти острова, особенно Шумшу: основные зоны оборонительных сооружений находились в юго-западной части острова. Главный рубеж создали в северо-западной части, всего соорудили

34 дота и дзота, связанных подземными ходами и траншеями, выкопали противотанковые рвы. Побережье защищали железобетонные капониры с артиллерийскими установками. На глубине до 70 метров были устроены склады, оборудованы госпитали, электростанции, проложены телефонные линии.

В 1942 г. острова использовались японцами при боевых действиях против американцев: с шести аэродромов, рассчитанных на 600 боевых самолетов, вылетали на бомбардировку Алеутских островов бомбардировщики G4M.

В августе 1945 г. самолетов было только семь, корабли с военно-морских баз были отведены в Японию, но на островах оставалось много артиллерийской техники, 17 танков и более 23 000 солдат и офицеров. Прямо у нас под боком – до Камчатки рукой подать...

В историю советский десант на Шумшу и Парамушир вошел под названием «Курильская операция»: она началась на

рассвете 18 августа, боевые действия закончились в 14 часов 22 августа, а 24 августа 1945 года японцы капитулировали. За этими скучными сроками – жизни полутора тысяч солдат, что не должно, не может быть забыто.

... После войны на Курилах обосновались советские гарнизоны; там построили береговые батареи, на аэродромах разместили боевые самолеты, в том числе оставшиеся в строю американские машины, полученные нами по ленд-лизу. А потом наступил долгий период «холодной войны», и, в случае ее превращения в третью мировую, Курильские острова неизбежно подверглись бы одному из первых ударов противника. Поэтому вооружение обновили, в частности, на смену старым самолетам пришли новые, реактивные. Списанные же просто бросили – отправка их на материк обошлась бы слишком дорого.

Вот и превратились два маленьких острова, в особенности Шумшу, в настоящий музей боевой техники второй мировой войны. Уникальные природные условия (да и политические – пограничная зона) помогли сохранить все «экспонаты» почти в первозданном виде.

... Наверное, у каждого в детстве была любимая игрушка. У меня, например, была – танк, только не игрушечный, а самый настоящий японский танк. Стоял он как раз по пути в школу, и было это в середине 60-х на острове Шумшу, где служил мой отец. И у всех пацанов нашего поселка отцы были военными. И сам поселок тоже был военным, потому что совсем рядом была Америка, и она хотела напасть на нашу советскую страну и все время запускала свои шпионские самолеты. Тогда объявлялось положение № 1, и все наши отцы вскакивали и убегали в казармы будить солдат и иногда не приходили по несколько дней. А наши матери сильно страивались и все время говорили: «Не дай Бог войну!» А нам всегда хотелось,

чтобы эта война хоть разочек по-настоящему бы произошла, потому что тогда можно было бы пострелять из пистолета, а может быть, даже из зенитного пулемета, что стоял около санчасти. Но война так ни разу и не началась, а положение № 1 в лучшем случае заканчивалось дымовой завесой, и в дыму наши отцы бегали вместе с солдатами в противогазах, и это напоминало стадо слонов. Потом они уходили на стрельбище, а нам доставались гильзы от карабинов и пистолетов, и этими гильзами были завалены все углы во всех домах, где жили пацаны.

Но, конечно, самые интересные игры

проходили на нашем танке. Все люки у него открывались, башня вращалась, можно было вести почти что настоящую войну. Противниками у нас были или немцы, или американцы. Мы даже и не знали толком, почему этот танк был японским. Вернее, знали от родителей, что раньше на этих островах жили японцы. А наши войска, когда разгромили немцев, заодно и японцев отсюда выгнали. Поэтому от них здесь много чего осталось. Обшивками японских самолетов были обиты многие дома, японские танки со снятыми башнями работали в рыболовецком поселке тягачами. Японские гильзы и патроны валялись на берегу на каждом шагу. Японские пуговицы и монеты с иерогlyphами были нашими трофеями. И даже в желудках убитых лисиц местные охотники находили рис, который на острове не растет. Да и вообще на нашем острове, кроме кедрача, ничего не растет. И кедрач вырастает в лучшем случае на метр-полтора, а в основном все стелется по земле, потому что ветры тут жуткие, особенно зимой – до 30 метров в секунду. И когда дули такие ветры, объявляли всем штормовую, и нас в школу не возили. Мы сидели дома и играли в войну. А наши матери мечтали переехать на материк, где есть все, даже арбузы. И не надо отдавать детей в интернат (а интернат находился на другом острове; на нашем же – только школа-пятилетка). Они все время уговаривали наших отцов демобилизоваться. И мой уговорился. Мы быстро собрали свои вещи в контейнер, куда я ухитрился засунуть десятка два разных гильз, японских пуговиц и монеток. И пошел прощаться со «своим» танком.

... Москва меня оглушила сильнее, чем грохот океана. Метроказалось страшнее японских подземных ходов. Но в юности быстро ко всему привыкаешь; появились новые друзья, увлечения. А тут и юность миновала, все дальше уходили

детские воспоминания. Завел семью, как-то незаметно подрос сын... И вот однажды на страницах «Техники молодежи» я увидел тот самый японский танк. Я его сразу узнал, да он и не изменился совсем. Ох, как же мне захотелось на Курилы! А почему бы и нет? Да и сыну будет интересно поиграть моими игрушками. И вот впервые за тридцать лет я купил билет до острова детства. Но если до Петропавловска-Камчатского мы летели 8 часов, то до острова нам пришлось добираться неделю. Вернее сказать, не могли добраться неделю. Правда, мы сразу пересели в маленький самолетик местной авиакомпании и даже пролетели на нем целых 45 минут, перезнакомившись с пассажирами, которых было на одного больше, чем в маршрутном такси. И сам самолетик походил на маршрутку, потому что летчик то и дело открывал свою дверцу и, оття-

нув наушник, радостно сообщал, где мы пролетаем. А в иллюминаторах была такая красота! Ослепительно белые вершины вулканов проплывали то слева, то справа, внизу блестели многочисленные озера и извилистые речушки. Вот уже показался кончик Камчатки с милым названием мыс Лопатка. Наконец, в просторах океана появился зеленый остров с белыми заплатками нетающего снега. Какой же он маленький! И как только мы там помещались? Но тут самолет лег на левое крыло, и радостный летчик сообщил, что мы возвращаемся в Петропавловск. Так как на острове нет погоды, и садиться нам нельзя. «Ты что, Петрович, — возмутился один пассажир, — вон же аэродром, заходи на круг и садись!» «Нет, нельзя, — весело сказал Петрович, — Сашка не велит, говорит, ветер боковой усиливается — штормовая начинается.»

На следующий день испортилась погода в Петропавловске. Потом заболел летчик. Потом что-то испортилось в самолете. Короче, только на седьмой день нам удалось пристроиться в вертолете МИ-8 рядом с огромными бочками, вот только вертолет летел на соседний остров. Но нам было все равно, так хотелось быть поближе к цели, которую мы видели неделю назад. Город Северо-Курильск, где мы приземлились на футбольном поле, оказался поселком с одной длинной улицей. Она начиналась на берегу с громким названием Порт, а концом упиралась в сопки, подковой защищавшие одно- и двухэтажные домики от океанских ветров.

Наше путешествие началось с посещения местного краеведческого музея, совершенно уникального, который обязан своим созданием учителю истории Алекс-

сандру Павловичу Маршку. Именно он начал собирать военную технику времен второй мировой. «Только кому все это нужно? – с горечью говорит Александр Павлович. – Уезжает народ с острова. А техники растащили много, самолеты вывозят, два танка уже исчезли. Подгоняют баржу и увозят неизвестно куда. Я уж взял масляную краску и простили инвентарные номера, завел карточки с описанием состояния объекта, места нахождения, национальной принадлежности. Но все равно идет бойкий вывоз трофеев.»

Позже, когда мы на катере перебрались на Шумшу, прилетел вертолет, занятый, как сказали местные, богатыми американцами с целью вывоза заранее отобранных остатков самолета «Кинг Кобр» (именно они пришли к нам по ленд-лизу и дислоцировались на острове сразу после войны). Встретили мы на

острове и японцев, трех молодых парней из Токио: фотографа и двух телевизионщиков. Они собирали материал по экологии и животному миру северных территорий, некогда принадлежащих Японии. Кстати сказать, именно на эти острова Япония не претендует. Этим парней очень заинтересовало то, что я жил здесь 30 лет назад. Что, на мой взгляд, изменилось?

Многое изменилось, и не в лучшую сторону: китов перебили, рыбу и крабов почти всех выловили. В пятидесятые годы только в рыболовецком поселке Козыревск в путину до трех тысяч человек работало, а сейчас на всем острове вместе с пограничниками едва ли 50 наберется. Вот и с музеем: в 80-е годы местные энтузиасты вышли с этим предложением. Инициативу поддержали, ведь кроме всего прочего, такой музей сулил

немалые доходы от туризма, включая иностранный. Однако разразилась перестройка, грянуло время реформ. Вскоре у местной власти не оказалось денег для воплощения идеи. А стоящую под открытым небом технику губят не только ржавчина, но и залетные «дикие» туристы, у которых есть неписаное правило: увидел дот – распишись, попал к самолету – выломай кусок на память. В последнее время зачастали на остров и новоявленные бизнесмены. Заключив с иностранными компаниями выгодную, на их взгляд, сделку (истинной цены этому они все равно не знают), они увозят уникальные образцы за границу, а там «компаньоны» в тридорога продают их музеям или частным коллекционерам. Может быть, пока еще что-то уцелело, задуматься и нашим военным музеям и помочь местным энтузиастам?

